

ЕВРОПА против РОССИИ

Яков
Алексейчик

СОРВАВШИЙСЯ СОЮЗ

БЕРЛИН И ВАРШАВА
ПРОТИВ СССР

1934—1939

Яков Яковлевич Алексейчик
Сорвавшийся союз.
Берлин и Варшава
против СССР. 1934–1939
Серия «Европа против России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70014118

Сорвавшийся союз. Берлин и Варшава против СССР. 1934—1939 / Яков

Алексейчик; Вече; Москва; 2023

ISBN 978-5-4484-8958-7

Аннотация

Какую внешнюю политику проводила Польская республика в 30-е гг. XX в.? Что толкало ее к сотрудничеству с гитлеровской Германией? Почему оказался сорванным союз между Второй Речью Посполитой и Третьим рейхом и чем обернулась для страны близорукая политика польского руководства? На все эти вопросы дает ответы книга известного белорусского историка Якова Алексейчика.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Молчать грешно...	6
Они виноваты, что Польша не погибла?	13
Гитлер поставил на Пилсудского	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Яков Алексейчик
Сорвавшийся союз.
Берлин и Варшава
против СССР. 1934—1939**

© Алексейчик Я.Я., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

**ФОНД
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Молчать грешно...

Родная тетя моего отца – для нас бабушка Ульяна – уходила в мир иной через двадцать лет после войны. Будучи уже без сознания, она повторяла одно и то же имя: «Верка! Верка! Верка!» Мама рассказала нам, тогда тоже еще детям, что Веркой звали внучку Ульяны. Бабушка, муж которой погиб в рукопашном бою с немцами еще в начале Первой мировой, два ее сына, невестка и Верка жили в одном доме. Жили бы и дальше, но пришла война. И опять с немцами. Их хата стояла рядом с лесом, к ее хозяевам по ночам стали наведываться сначала красноармейцы-окруженцы, продвигавшиеся на восток, потом партизаны. Им надо было знать, где на данный момент находятся оккупанты, а иногда и просто перекусить. Однажды бабушка вознамерилась сходить в соседнюю деревню посмотреть, что там с домом племянника, ушедшего в партизанский отряд. Верка хотела пойти с бабушкой, но девочке было всего несколько лет, а топать только в одну сторону предстояло почти пять километров. Ульяна торопилась, потому отказалась брать малышку. Та плакала, цеплялась за юбку. Бабушка не стерпела, шлепнула ее по попке и ушла быстрым шагом. Вернулась ближе к вечеру и вместо своего дома увидела пепелище, а на расположенном поблизости кладбище – тела расстрелянных родных ей людей. Убитая Верка лежала на своей маме, которая, даже бу-

дучи мертвой, обнимала дочку окровавленной правой рукой, пробитой несколькими пулями. Мама рассказывала, что после похорон бабушка Ульяна пошла в Дрогичин к командиру местной полиции, добилась, чтобы он свел ее с главным в районе гитлеровцем и потребовала, чтобы тот расстрелял и ее. «Сама подохнешь, старуха!» – перевел полицай ответ немца и вытолкнул ее на улицу. «Старухе» было немногим больше пятидесяти. Оставшиеся двадцать лет жизни бабушка Ульяна не могла простить себе, что не взяла тогда малышку Верку с собой.

Наша мама о той войне вспоминать не любила. Слово «немец» портило ей настроение. По ночам сквозь сон она временами вскрикивала: «Спасите! Помогите!» Отец, недавний партизан, начинал негромко чертыхаться, что «опять поспать не даст», но чаще говорил ей: «Успокойся! Здесь только женьковцы!» Женьковцами в наших местах называли и продолжают называть бойцов партизанского отряда, создателем и командиром которого был Женька – двадцатилетний лейтенант Красной армии Евгений Макаревич, попавший в окружение на белорусских территориях. Теперь в Дрогичине его имя носит одна из улиц. После слов о женьковцах мама затихала, если же просыпалась, то они смеялись – тихонько, чтобы не разбудить детей.

Иногда она все-таки рассказывала, как спасались от немецких и полицейских облав в болотистых зарослях, которые местные жители называли Магделиной лозой. Стоя-

ли чуть ли по пояс в воде, а по насыпи выкопанного перед войной канала, покрикивая: «Штоп! Хальт! Нах хауз!» – постреливая по густым кустам, ходили те, о которых ей не хотелось вспоминать. Мама на всю жизнь запомнила эти слова. На руках у нее во время тех прятаний была сестренка Любка, родившаяся через полгода после начала войны, а ее братика-двойняшку Васю держал старший брат Иван. Дети многое уже понимали и при словах «Тихо, немцы!» – вспоминала мама, замолкали немедленно. Мамин дедушка Максим однажды отказался уходить из дома, чтобы спастись от карателей, потому сгорел вместе со своей избой. Потом кто-то из полицаев, пособлявшим фрицам, рассказывал, что когда они подошли поджигать его хату, дед, уразумев, к чему идет дело, отказался выходить из своего дома, опустил перед иконами на колени и стал молиться. Останки его тела сельчане доставали из-под недогоревшей балки.

В августе 1944-го, буквально через месяц после того, как пришли наши, маминого брата Ивана призвали в армию. В январе 45-го мамина мама, моя бабушка Ольга, получила сообщение, что ее сын Иван Стаинович в декабре 1944 года пропал на фронте без вести на территории Польши. За каких-то два месяца до печального извещения о сыне погиб ее муж – мой дедушка – Василий. Случилась смерть в лесу, где он помогал соседу заготавливать бревна для нового дома – взамен сожженного немцами. Спиленная сосна вдруг стала падать на тех, кто ее сваливал. Дед Василий увернуться не

успел. И вот снова – трагическая весть. Бабушка сразу слегла. Занавесила черной материей окна в доме и лежала почти недвижимо. Дети не знали, что делать. Рыдали. На третьи сутки Ольга Сидоровна поднялась, сняла ткань, закрывавшую окна, опустилась на колени перед иконами, а после молитвы сказала тихим голосом: «Надо попытаться жить, детки». Под ее опекой оставалось восемь душ, в большинстве своем – еще малолетних.

Где-то через год стали возвращаться домой сельчане, дошагавшие кто до Вроцлава, кто до Будапешта, кто до Вены, кто до Берлина. Двое из них служили в одной части с Иваном. Они и рассказали, что с ним произошло. Иван был связистом. Когда искал очередной разрыв провода, громыхнула мина. Придерживая руками вываливающиеся из живота внутренности, он сумел добраться до медсанчасти, в которой уже пребывали его земляки, тоже раненые, но не столь тяжело. Назавтра умер от потери крови. Земляки-соседи похоронили его около польского города Радом. Было Ивану 20 лет.

Примерно в то самое время, когда Ольга Сидоровна получила печальное известие о сыне, одногодок Ивана Стариновича, уроженец Луганщины младший лейтенант Иван Евенко вступал в командование взводом пехоты в пятой стрелковой роте 1196-го стрелкового полка 359-й ордена Ленина стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. Он уже был довольно тертым бойцом. Повоевал сначала с винтовкой в руках, которая, как утверждал, с примкнутым штыком была

почти такого же роста, как и сам солдат. Потом ему вручили ручной пулемет. Спустя еще некоторое время штабисты обратили внимание, что у молодого бойца за плечами восемь классов средней школы, и направили его на офицерские курсы. Личным составом вверенного ему взвода, в котором преобладали люди постарше нового командира, он был встречен не очень-то приветливо. В блиндаже за перегородкой из плащ-палатки младший лейтенант слышал их суждения, из которых вытекало, что «этот молодой нас быстро положит». Он же, получив боевой приказ, пригласил понюхавших порошу в разных ситуациях сержантов, чтобы посоветоваться, как выполнять задачу, чем и начал располагать к себе бойцов, а в начавшихся боях показал подчиненным, что во фронтовом деле он не салажонок. Всю жизнь, как награду для себя, вспоминал эпизод, случившийся в германском городе Бреслау, который теперь является польским Вроцлавом. Шел штурм очередного дома. Прижимаясь к стенке, взводный добирался к пролому в ней, чтобы швырнуть туда гранату. И попал под прицел снайпера. Пуля стукнула чуть выше головы. Услышав ее удар, Иван машинально осунулся на землю. Весь взвод закричал: «Младшего убило!» И рванул к нему. Но он вскочил, крикнул: «Я живой! За мной!» Солдатский порыв превратился в атаку. Дом был взят.

Младший лейтенант Иван Евенко в долгих и изнурительных боях за Бреслау успел несколько дней покомандовать и ротой, приняв ее после выбытия из строя своего непосред-

ственного начальника. При штурме очередного дома и сам нарвался на взрыв упавшей мины, когда бежал на помощь раненому соседу – тоже ротному командиру. Получил сразу восемь осколков, два из которых в левой руке носил до конца своих дней. День Победы встретил в госпитале. Демобилизовавшись из армии, он остался на жительство в белорусском Полесье – в деревне Бродница в Ивановском районе, который соседствует с моим Дрогичинским. Еще будучи на службе, но уже в Бресте, он пришел поздравить с днем рождения одного из своих коллег-офицеров, кстати, тоже Ивана, да еще и Ивановича, только родившегося на Кубани и уже успевшего жениться на белоруске Надежде из той самой Бродницы. К ней в гости приехала ее младшая сестра Мария, недавняя партизанка отряда имени Лазо. За столом она сидела в платке, плотно облежавшем голову. Иван, уловив какой-то веселый момент, стянул платок с головы Марии. Она же разрыдалась, так как недавно переболела тифом и была острижена наголо. Тот вечер связал их на всю жизнь.

Теперь мой дядя рядовой Иван Старинович и мой тесть младший лейтенант Иван Евенко уже «еси на небеси». Возможно, даже общаются их души. Поскольку нынче «им сверху видно все», оба Ивана, как и все их товарищи, громившие гитлеровцев, глядя из иного мира на оставленные ими земные просторы, конечно же, поражены картинами, которые видят именно там, где шли под пули, чтобы Вроцлав, Варшава, Люблин, Краков, Познань стали польскими горо-

дами, а не германскими. Даже в кошмарном окопном сне им тогда не могло присниться, что на территориях, откуда они изгоняли гитлеровцев, спасая от оккупации тамошних обитателей, потомки спасенных начнут приравнивать их к убийцам маленькой Верки и ее родителей, к тем, кто кто заживо сжег деда Максима, кто полагал лишним пребывание на этой планете целых народов и планомерно стремился к их ликвидации. Для ныне живущих смотреть на подобное молча означает поступаться личным достоинством, ибо мы есть на белом свете благодаря победе в той войне. Иначе не было бы ни белорусов, ни украинцев, ни русских, ни евреев, ни поляков... Такое молчание – знак большого греха. Потому начинаю отвечать тем, кто превратил свою так называемую историческую политику в истерически-очернительскую. У меня для этого много и личных оснований. В Великой Отечественной войне погибло семь моих родственников. И только один из них – Иван Старинович – был солдатом.

Автор.

Г. Минск

Они виноваты, что Польша не погибла?

Оба Ивана и их товарищи, разумеется, не могли не обратить внимания на мероприятие, прошедшее на площади имени маршала Пилсудского в Варшаве 1 сентября 2019 года и посвященное 80-летию начала Второй мировой войны. На том плацу руководство Речи Посполитой громогласно заявило соотечественникам, гостям, соседям, а заодно живым и мертвым бойцам, носившим красноармейскую форму, а также их потомкам, что с приходом Иванов на польскую территорию в 1944–1945 годах освобождение для поляков не наступило. Мол, нацистскую неволю сменила советская, Вторая мировая война для поляков не закончилась 9 мая 1945-го, а продлилась до 1989 года – полсотни лет, ставших, как прозвучало в официальных польских речах, периодом сплошных мучений для надвислянских обитателей.

Вообще-то «оповещение» такого рода не было неожиданным. Подводящие к нему настроения разогревались в этой стране уже много лет. Как свидетельствовал посол России в Речи Посполитой Сергей Андреев, к тому празднеству, что состоялось на площади имени Пилсудского, в Польше было уже снесено 427 памятников советским воинам. Их «устранение из публичного пространства», как специально

отмечено в польском законе о декоммунизации, объяснялось тем, что они символизировали «советское доминирование в Польше в послевоенный период». Не избежал сноса в городе Пененжно Варминско-Мазурского воеводства даже памятник генералу армии И.Д. Черняховскому, командовавшему 3-м Белорусским фронтом и погибшему именно в этих местах 18 февраля 1945 года. Как утверждают ныне многие авторы, этот выдающийся полководец, которому на момент гибели не исполнилось и тридцати восьми лет, всего несколько дней не дожил до получения звания Маршал Советского Союза.

В ответ на заявление посла Российской Федерации, что Польша нарушает «российско-польское межправительственное соглашение от 1994 года о захоронениях и местах памяти жертв войн и репрессий», из уст варшавских политиков зазвучали слова, что договор касается только кладбищ. Однако уже не является секретом, что не избежали вандализма и многие могилы советских солдат, например в городе Еленя-Гура. Отнюдь не случайно сотруднику Российского института стратегических исследований Олегу Неменскому пришлось констатировать, что в современной Речи Посполитой «существует общественный консенсус по этому поводу, и большинство поляков действительно поддерживает действия властей». В рамках такого консенсуса, «любой гражданин, который осознал, что ненавидит Россию, может пойти на то или иное кладбище и устроить там акт вандализ-

ма». Речь он вел о кладбищах, называемых в Польше советскими, хотя словосочетание «вандализм на кладбище» трудно вообразимо по отношению к любому обществу, относящему себя к цивилизованным.

Но есть и другие весьма важные аспекты этой проблемы. Как минимум, два. Далеко не все погибшие на той войне нашли последнее упокоевание на кладбищах. В частности, те, кто числится пропавшим без вести. Таковых много. В книге «Память», посвященной моему родному Дрогичинскому району на белорусской Брестчине, названы места захоронения 1398 павших на фронтах воинов-земляков, из которых 609 погибло в Польше. Почти половина. Однако еще 767 – более трети от общего числа не вернувшихся с войны – значатся пропавшими без вести. Если исходить из того же соотношения, то не исключено, что с половиной убиавших неведомо при каких обстоятельства случилось такое тоже в боях за Польшу. Кроме них надо помнить и об умерших в концентрационных лагерях на территории нынешней Речи Посполитой плененных красноармейцах, тела которых были сожжены в специальных печах. Где рассеян их пепел, известно лишь Господу. Их же было свыше миллиона, как утверждают исследователи, даже больше, чем погибших в боях при освобождении Польши. Так можно ли обойтись без памятников-символов? Ответ напрашивается сам собой. Слава Богу, отмеченный Олегом Неменским консенсус не охватывает все 100 процентов польского населения. Есть в со-

временной Речи Посполитой и сообщество «Курск», которое «и в судах и на полях» борется за сохранение памятников советским бойцам, ремонтирует и восстанавливает их. В 44 случаях ему это удалось, однако руководитель сообщества Ежи Тыц признает, что из почти 600 объектов такого рода, находившихся в Польше на конец 80-х, теперь вряд ли осталось более сотни.

Параллельно в течение как минимум двух десятков лет в Польше разогревался проект сноса еще одного памятника. На сей раз архитектурного, притом весьма большого, появление которого тоже связано с «советским оккупантом». В отличие от Гитлера, создававшего на польских землях концентрационные лагеря, «оккупант Сталин» подарил столице Речи Посполитой Дворец польской культуры и науки, ставший по-настоящему уникальным сооружением. И самым высоким зданием в Варшаве – 237 метров, и наиболее объемным – 817 000 кубических метров внутреннего пространства. Его общая площадь – 123 084 квадратных метра – более двенадцати гектаров. В нем находится 3288 никогда не пустующих помещений. Во Дворце польской культуры и науки размещаются весьма важные институты. В их ряду – Музей техники и Музей эволюции, находящиеся в ведении Польской академии наук, театры – драматический и кукольный, а также киноструктуры, высшие учебные заведения. Там же расположен Президиум самой Польской академии наук, Высшая аттестационная комиссия. Есть в нем и зал конгрессов, спо-

собный вместить 3000 человек, дворец молодежи с большим бассейном, книжные магазины, рестораны.

Процесс дарения дворца начался в 1952 году. Правда, презент мог быть иной: метро, клинический городок, жилой квартал. Поляки выбрали дворец. Современная польская пресса отмечает, что московский архитектор Л.В. Руднев, широко известный к тому времени в СССР и за его пределами как автор главного здания-ансамбля Московского государственного университета, которое во всем мире считается выдающимся зодческим творением, создал на этой же основе пять проектов. Поляки выбрали наиболее высокий вариант. В процессе согласования они попросили добавить еще и помещения для театров, зал конгрессов. Соответственно, росла и высота здания. На сей счет появлялся в польских СМИ и такой любопытный эпизод: «Для определения высоты объекта российские и польские архитекторы собрались у Силезско-Домбровского моста на правом берегу Вислы. На оси будущей высотки летал небольшой самолет, тянущий за собой шар. Стоявшая у моста группа имела контакт с пилотом. Поначалу шар летал на высоте 100 метров, затем все выше – 110, 120. Русские с Рудневым решили, что 120 метров вполне достаточно для самой высокой точки в городе. Поляки с руководителем группы уполномоченным по делам строительства дворца и одновременно главным архитектором Варшавы Юзефом Сегалином стали требовать «Выше!» после каждых очередных 10 метров поднятия ша-

ра. В результате высота главной башни определена была в 120 метров, башенка – 160 метров, плюс игла – 230 метров».

Никому, кроме поляков, столь значимых презентов Сталин не преподносил. Созданием огромного подарка занималось «3500 российских рабочих, которые жили в специально для них построенном жилище с кинозалом, столовой и бассейном». Строительство Дворца польской науки культуры в Варшаве длилось с 2 мая 1952 по 22 июля 1955 года. Высотка «с самого начала возводилась как дар советского народа народу польскому». Через два дня после смерти советского вождя – 7 марта 1953 года – совместным постановлением Государственного Совета и Совета Министров Польской Народной Республики еще недостроенному зданию было дано название «Дворец культуры и науки имени Иосифа Сталина». Постановление подписали председатель Совета Министров ПНР Болеслав Берут и председатель Государственного Совета Александр Завадский. Тогда они вряд ли предполагали, что со временем имя «вождя всех народов» превратится в несмываемое пятно для огромного здания, предназначенного быть символом дружбы, а само оно будет настоящим камнем преткновения для польского общества, притом – в политическом смысле – камнем ничуть не меньших размеров, чем сам дворец.

Как отметил польский историк и журналист Марцин Саланьски, после того, как «много гминных (местных. – Я.А.) самоуправлений решилось на снос памятников, славящих

Красную армию и ее солдат», краковские комбатантские организации «в ответ на громкое празднование дня рождения дворца, призвали тогдашнего президента Варшавы Анну Гронкевич-Вальц отметить 60-летие сдачи здания в эксплуатацию решением о сносе архитектурного монстра, напоминающего полякам, что они – невольники Советов». Это означало, что предлагалось убрать огромный комплекс к 2015 году. И та «краковская инициатива» не стала простым сотрясением политического воздуха, вскоре она получила поддержку на самом высоком государственном уровне. Одним из первых ее поддержал нынешний премьер, а в те дни вице-премьер и министр финансов Матеуш Моравецкий. Такую же точку зрения высказал вице-премьер, он же министр культуры и национального наследия Петр Глинский. Поддакнул ему тогдашний министр иностранных дел Радослав Сикорский, которому на месте дворца привиделся большой парк с глубоким озером. Заместитель министра национальной обороны Бартош Ковнацкий, пребывая в эфире станции «Радио ZET», в ответ на вопрос, можно ли взорвать дворец, сразу же заявил, что это были бы «прекрасные учения, прекрасная школа для наших солдат», но высказал сожаление, что «объект включен в реестр достопримечательностей». Матеуш Моравецкий, став уже премьером Речи Посполитой, уточнил, что мечтает об этом сносе целых сорок лет – с самого детства. Появился же он на белый свет уже после завершения строительства дворца в том самом городе,

в котором младший лейтенант Иван Евенко со своим взводом упорно дрался за превращение его из немецкого Бреслау в польский Вроцлав.

Несмотря на время от времени звучавшие в Польше суждения, что это «абсурдный замысел», которому нет никакого оправдания, что не надо «сходить с ума, ведь в таком случае придется снести половину Варшавы, отстроенную во времена коммунизма», как выразился представитель правления самого Дворца культуры и науки Себастиан Вежбицкий, можно с большой долей уверенности говорить, что сносу здания помешал только один фактор: высокая стоимость затеянного мероприятия. Специалисты, совершившие прикидочные подсчеты, схватились за голову, так как, «к несчастью помышляющих о разрушении, дворец культуры построен на зависть основательно». На его возведение использовано более 40 миллионов штук кирпича и 26 тысяч тонн стали. Плюс бетон, плиты перекрытия, облицовочный мрамор и не только мрамор. Получилось, что в случае сноса, как подсчитал, например, Адам Стемпень, придется вывезти до 300 тысяч тонн грузов. И если даже четырехосный грузовик может принять в свой кузов 17–20 тонн, сколько же понадобится таких машин? Тысячи, даже десятки тысяч достаточно мощных автомобилей. Сколько предстоит сделать рейсов? Какие заторы повлечет появление грузовых колонн на варшавских улицах? Как долго все это продлится? Некоторые прожектеры предложили провести специальную же-

лезнодорожную колею, но тогда надо определить нужное количество грузовых вагонов. При любом варианте лишь на первом этапе, пришли к выводу эксперты, на затеянное потребуется почти миллиард злотых – примерно, 300 миллионов долларов. Но многие аналитики заявили, что названная цифра расходов является минимумом. В реальности же они могут быть в четыре раза больше – свыше миллиарда долларов, а не злотых. Затем, конечно же, потребуются огромные вложения в новое строительство на расчищенном месте.

К моменту упомянутых торжеств на площади имени Пилсудского шел в Речи Посполитой еще один процесс, толчком для которого тоже явилась война и «советская оккупация». Был вновь поставлен вопрос о германских репарациях для Польши, которая, как заявлено, стала самой пострадавшей во Второй мировой войне страной. Она потеряла шесть миллионов граждан, дотла была разрушена ее столица, страна лишилась 90 процентов промышленности в городах, половины железнодорожных структур, более половины имущества службы охраны здоровья, почти половины культурных ценностей, вдобавок к перечисленному вырублено 400 000 гектаров леса. Зазвучали, разумеется, и утверждения, что последствия понесенных потерь сказываются доныне, и не только в экономическом смысле, ведь многие жертвы войны еще живы и «чувствуют себя глубоко оскорбленными». Депутат сейма Доминик Тарчиньский пояснял, что немцы обязаны заплатить еще и постольку, поскольку «германская

мощь, о которой теперь слышим на каждом шагу, является результатом и плодом грабежа, имевшего место быть прежде всего в Польше».

Вскоре были оглашены и объемы финансовых претензий. В апреле 2019 года депутат сейма Януш Шевчик заявил о 900 миллиардах долларов, что значительно выше годового валового внутреннего продукта Речи Посполитой в номинальном исчислении, но и эта цифра была снабжена пометкой, что является минимальной. Его коллега по парламенту Аркадиуш Мулярчик дал понять, что надо учесть и многолетнюю инфляцию, а также набежавшие проценты за несвоевременность выплат, случившуюся по вине Советского Союза, который, как упорно твердят многие эксперты и политики в Речи Посполитой, заставил социалистическую Польскую Народную Республику заявить, что «Германия «уже в значительной степени компенсировала свои обязательства по возмещению ущерба» и отказаться от репараций с 1 января 1954 года.

В Берлине на официальном уровне звучал один ответ: вопрос о репарациях давно закрыт. Однажды даже последовал совет не вскрывать ящик Пандоры, и, скорее всего, в подобной рекомендации содержался намек, что в том ящике есть много чего неприятного для самой Речи Посполитой. Тем не менее в Польше процесс набирал силу, наиболее заядлые сторонники взыскания немецких платежей за понесенные в войне насчитали, что с учетом процентов и инфляции нуж-

но увеличить сумму до 25 триллионов злотых – в восемь раз. Теперь уже можно сказать, что претендовать на столь фантастическую сумму польские политики не отважились, но та, на которую они решились, тоже огромна. В первый день сентября 2022 года лидер правящей в Речи Посполитой партии Ярослав Качиньский заявил, что его страна потребует от Германии 6,2 триллиона злотых или 1 триллион 300 миллиардов долларов. При этом он добавил к сказанному, что сумма могла быть и больше, так как подсчитана «самым консервативным образом» и вполне приемлема для немецкой экономики.

Доведено было дело до претензий на репарации в пользу Речи Посполитой и от России – главной наследницы того самого Советского Союза, войска которого изгнали гитлеровцев из надвислянского края. Сформулированный в Варшаве «специальный довод», касающийся обоснованности требуемых выплат и от Москвы, базируется уже не на реальных материальных потерях, а на гипотетических. Мол, следует представить, какой развитой теперь была бы Польша в результате более полного проявления талантов ее граждан, не будь политического и морального гнета, длившегося в течение нескольких десятилетий «советской оккупации». В стороне осталось то, что в социалистические времена Речь Посполитая отнюдь не относилась к отсталым государствам, а обладала весьма ценными для всего мирового хозяйства производствами, являясь, например, одним из флаг-

манов европейского судостроения, от которого теперь остались рожки да ножки. На гданьских верфях ежегодно строилось по три десятка судов, общей грузоподъемностью до полумиллиона тонн. Весьма крупным заказчиком, если не самым крупным, был Советский Союз.

Нельзя не вспомнить в этой же связи, что и польское искусство – кино, театр, литература – наибольшую европейскую и даже мировую известность получило в те самые «подсоветские» годы. Анджей Вайда, работавший во время гитлеровской оккупации грузчиком и кладовщиком в немецких мастерских, о чем сообщают и польские энциклопедии, никак не стал бы знаменитым на весь мир польским кинорежиссером, не поставил бы свои шедевральные фильмы «Канал», «Пепел и алмаз», «Пепел», не приди те самые Советы. Никто не знал бы и о таких великолепных актерах, как Беата Тышкевич, Даниэль Ольбрыхский, Збигнев Цыбульский, Пола Ракса, Франтишек Печка, Збигнев Запасевич, Витольд Пыркош и иже, иже, иже с ними. Пусть не всегда эти видные в киноискусстве люди добрым словом вспоминают о социалистических временах, которые, образно говоря, в Польше уже превратились в пепел, но алмазами они стали именно тогда. И навсегда.

Тем не менее, по ходу начатого процесса обвинение в советском угнетении поляков становилось все более жестким. Аспирант факультета права и администрации Варшавского университета Михал Патрик Садловский исходит из

уверенности, что для Польши «период после 1944 года олицетворял абсолютную потерю независимости, подчинение и полный разрыв с культурой широко понимаемого Запада, чьей неотъемлемой частью являлась польская культура». При этом он не уточнил, какую степень независимости поляки имели в годы гитлеровской оккупации, ведь примерно половина их коронных польских земель была включена непосредственно в состав Рейха, за их счет было создано две новые германские провинции, а также увеличена территория Восточной Пруссии и Силезии. Нет оснований называть воплощением польскости и *Generalgouvernement für die besetzten polnischen Gebiete*, то есть Генерал-губернаторство, по велению Гитлера появившееся на остальных оккупированных польских землях во главе с Гансом Франком, повешенным впоследствии по решению Нюрнбергского трибунала. Польское искусство, литература, наука в культуру «широко понимаемого Запада» там тоже не могли вписаться, так как приговорены были к исчезновению. Официальным языком в генерал-губернаторстве был немецкий, напоминает и польский исследователь Кшиштоф Пилявски, законы – тоже, однако его жители в большинстве своем не имели германского гражданства, школы должны были «готовить низкоквалифицированную рабочую силу, обслуживающую немцев». Уже 23 ноября 1939 года нацистские оккупационные власти приняли документ, в котором говорилось, что на польских территориях «университеты и иные высшие учеб-

ные заведения, а также средние школы... должны быть полностью закрыты». Полякам «можно разрешить только начальные школы, которые должны учить лишь самым простейшим вещам: умению считать, читать, писать». Следующий документ того же толка, принятый гитлеровцами 15 мая 1940 года, уже устанавливал, что поляков достаточно научить считать до 500 и написать свою фамилию. Умение читать становилось для них не обязательным. На тех землях, которые были включены в пределы самого Рейха, сокращение польского населения «немецкие оккупанты начали уже под конец 1939 г.», отметил Яцек Цезары Каминьски в своей публикации «Убить столицу Польши» в журнале «Przegląd» в феврале 2020-го. В течение буквально нескольких месяцев – к марту 1940 года – в генерал-губернаторство было выслано «около 400 тыс. поляков». Однако и генерал-губернаторство «должно было стать для них только одним из этапов в путешествии», поскольку «Гитлер решительно настроен в течение 15–20 лет превратить этот край в чисто немецкий». Так что по главной сути «широко понимаемому Западу» предстояло вовсе обходиться без польской культуры, что неизбежно и произошло бы, если бы уровень польской образованности и судьбу поляков в целом продолжил определять Третий рейх.

Главный человек в современной Польше пан Анджей Дуда, выступавший на варшавской площади имени Пилсудского, оставил за рамками своей речи то, что, не приди крас-

ноармейцы, он не был бы президентом Речи Посполитой, ибо ее на современной карте Европы попросту не наличествовало бы. Да и польского народа тоже. На занятых гитлеровцами территориях польское население уменьшалось примерно на миллион человек в год. Даже «Nowa Encyklopedia Powszechna», выпущенная в 2004 году Государственным научным издательством в Варшаве, в третьем томе на странице 26 признала, что гитлеровское руководство «намеревалось оставить около 3—4,8 млн поляков в качестве невольничьей рабочей силы». Конечно же, рабочей силы никак не на фронте искусств. Не было бы, скорее всего, и самого пана Дуды с его семейством, так как к 1972 году, когда он родился, нацистский план «Ост», фактически являвшийся смертельным приговором для восточных славян, включая поляков, был бы уже по большей части осуществлен. Как свидетельствуют германские источники, например, «Замечания и предложения по Генеральному плану «Ост» рейхсфюрера СС», подписанные 27 апреля 1942 года начальником отдела колонизации 1-го управления так называемого Восточного министерства Третьего рейха Э. Ветцелем, в течение тридцати лет должно быть «выселено» до 85 процентов населения Польши. Притом обитателям занятых гитлеровцами территорий предстояло исчезать «целыми этническими группами и народами». Российский историк И.А. Ахтамзян в одной из своих публикаций, посвященных плану «Ост», привел слова рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, сказанные им еще в мае

1940 года, о том, что, к примеру, «через 4–5 лет должно стать неизвестным понятие «кашубы», поскольку «не будет больше такого народа». Кашубы – «этническая группа поляков», поясняют энциклопедии. Далее Гиммлером были названы другие народы, которым предназначалось переселиться в мир иной в течение «несколько большего периода времени». Из поляков удалось бы уцелеть лишь тем, кому, как иногда выражаются польские же аналитики, гитлеровцы поручили бы пасти отары баранов где-то за Уралом, по их же утверждению, в соответствии с «Generalplan Ost» в Сибирь должно было попасть «16–17 миллионов поляков». Профессор Мария Рutowска при этом подчеркнула, что «условием реализации планируемых переселений такого уровня была победа Третьего рейха в войне против СССР».

Теперь уже известно, что нацистские намерения, связанные с судьбой многих народов, были сформулированы значительно раньше появления «Генерального плана «Ост». Свои далеко идущие замыслы гитлеровцы вынашивали давно. Среди документов, рассекреченных Службой внешней разведки России в связи с 80-летием начала Второй мировой войны, есть и донесение, связанное с судьбой белорусов и белорусского государства. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров СССР, предшествовавшее Комитету государственной безопасности СССР, раздобыло то донесение еще 19 сентября 1933 года. Из его содержания следует, что «по пла-

ну Гитлера все волжские немцы переселятся в Белоруссию». Надо полагать, фюрер считал неправильным, что означенные единоплеменники его верных слуг живут где-то «у черта на куличках», на самом деле им надо быть поближе к Рейху. Как следует из донесения, «вопрос о превращении Белоруссии в германскую колонию, насколько удалось здесь узнать, мыслится таким образом», что Белоруссия, уже по-новому заселенная, со временем станет пользоваться правами «подобно Данцигу», но «постепенно будто бы произойдет затем аншлус с Германией» (так в тексте. – Я.А.).

Впрочем, исторические напоминания, какая судьба ожидала белорусские равнины, если бы «дело фюрера германского народа» стало реальностью до самого Урала, появлялись в минской прессе еще до сделанного российской разведкой рассекречивания документов. В день 70-летия со дня начала Великой Отечественной войны один из них приведен в публикации «Колония «Минск»: архитектура геноцида» в газете «Минский курьер» за 22 июня 2011 года. Ее автор Михаил Михайлов подчеркивал, что «в Минске гитлеровцы намеревались поселить 50 тысяч немцев». При этом «три четверти населения страны предусматривалось истребить или выселить с занимаемой территории. Остальные 25 процентов должны были быть онемечены». Из числа онемеченных для обслуживания переселившихся в Минск арийцев предполагалось оставить «в качестве рабочей силы 100 тысяч местных жителей». Уже цитированный И.А. Ахтазян,

напомним в этой связи, подчеркивал, что фигурирующие в плане «Ост» термины «переселение», «выселение», относящиеся к местным аборигенам, не должен никого вводить в заблуждение, поскольку гитлеровцы вкладывали в них свой вполне определенный смысл, прямо связанный с отбытием в мир иной.

К публикации в «Минском курьере» был приложен и «генеральный план переустройства Минска», созданный в то время нацистскими архитекторами. После войны зловещую для будущего белорусской столицы карту среди бумаг строительных структур обнаружил известный белорусский зодчий профессор Леонард Москалевич, который «лично передал ее в фонды музея Великой Отечественной войны в 1988 году». Карта и специальные пометки на ней свидетельствуют, что одним из наиболее крупных зданий в Минске предстояло стать крематорию около нынешней улицы имени Карла Либкнехта. Из специального пояснения, сделанного на карте, следовало, что крематорий одновременно будет и «площадкой для расстрелов». Напомнил автор публикации в «Минском курьере» и о том, что «план нацистских архитекторов по переустройству Минска – составная часть масштабного, если не сказать глобального, плана гитлеровцев по послевоенному (а в своей победе они не сомневались) переустройству всех оккупированных территорий к востоку от границ Рейха».

К сказанному Михаилом Михайловым о Минске есть ре-

зон добавить выдержку из публикации Яна Цезары Каминьского, свидетельствующую, что ничуть не лучшими были нацистские планы и по отношению к Варшаве. Согласно плану «Die neue Deutsche Stadt Warschau» («Новый германский город Варшаву»), часто называемому «Планом Пабста», составленному к февралю 1940 года немецкими архитекторами Хубертом Гроссом и Отто Нурнбергом под руководством Фридриха Пабста, недавней польской столице предстояло пройти два этапа. Первый – «разбор польского города», второй – «строительство немецкого города», в результате чего он уменьшился бы в десять раз как по населению – до 100 тысяч жителей, так и по территории. Новыми обитателями были бы уже немцы, для обслуживания которых намечался лагерь для примерно 50 тысяч «польских невольников в казармах на Праге» – так называется исторический регион Варшавы, расположенный на правом берегу Вислы. До войны в польской столице обитало 1 миллион 300 тысяч человек. В ходе реализации своих намерений «немцы намеревались выселить большинство населения Варшавы в концентрационные лагеря», планировалось также «разрушить ок. 95 % застройки столицы», это значит, отмечают польские исследователи, оставить одну двадцатую часть. В процессе прорисованного переустройства «площадь Пилсудского при Саксонском дворце была бы названа площадью Адольфа Гитлера (по-немецки *Adolf-Hitler-Platz*), а дворец Бельведер стал бы его резиденцией». Тот самый Бельведер, в котором в свое

время работал маршал Юзеф Пилсудский. На месте взорванного Королевского дворца Фридрих Пабст намечал возведение специального здания, увенчанного огромным куполом, для проведения съездов нацистской партии. Были и дополнительные планы, связанные с Варшавой, согласно которым ее следовало превратить в «пункт реализации потребностей германкой армии». Предприятия по производству оружия и боеприпасов для вермахта, казармы – такое строительство ожидало Варшаву, если бы не наступила «сталинская оккупация».

Осуществись план «Ост» (Восток)», сложно было бы появиться на белом свете и жене президента Анджея Дуды – пани Агате, которая является дочкой польского еврея Юлиана Корнхаузера, родившегося на второй год после завершения войны и ставшего в условиях проклинаемого ныне «социалистического гнета» профессором Краковского университета. На площади имени Пилсудского во время мероприятий, посвященных круглой годовщине начала Второй мировой войны, пани Агата вместе с мужем встречала высокопоставленных гостей. Не засветила бы столь высокая государственная должность и нынешнему премьер-министру Польши Матеушу Моравецкому, в жилах которого течет наполовину еврейская кровь. Его тетя Рума, спасшаяся на советских территориях, после войны переехала в Израиль, но многие родственники пана Матеуша по материнской линии не пережили холокоста. Польскоязычная Википедия о ев-

рейских корнях главы польского правительства умалчивает. Надо полагать, из опасения, что напоминание о такой этнической принадлежности не добавит авторитета действующему премьеру.

Однако даже намек на то, что стало бы с населением Польши в случае реализации плана «Ост», на состоявшихся в Варшаве 1 сентября 2019 года мероприятиях не прозвучало. За рамками официальных выступлений остались и другие важные аспекты. В частности, что в годы проклинаемой «советской оккупации» население Польши возросло на 24 миллиона человек – примерно на 60 процентов, что Польская республика стала членом Организации Объединенных Наций, а в нынешнем Совете Европы она с завидным упорством старается играть все более значимую роль. Живут-поживают и кашубы, а «польский и европейский государственный деятель» – природный кашубский сын Дональд Туск на старте XXI века семь лет возглавлял правительство Польши. Оставив этот пост в 2014 году, он на пять лет занял должность председателя Европейского Совета. Никакой Евросоюз с его многочисленными структурами Третьим рейхом тоже не предусматривался.

Тем не менее сумма «российского долга» тоже прозвучала задолго до мероприятий на варшавской площади имени маршала Пилсудского. И опять – весьма значимая. За «уничтожение советскими гражданами польского имущества и культурных ценностей», утверждает на Висле, Москва должна

выплатить триллион злотых, что равнялось на тот момент примерно 270 миллиардам долларов – полторы современной Чехии, если брать ее годовое производство в номинале, или почти три Словакии. Некоторые варшавские политики стали утверждать, что Советский Союз виноват перед Польшей даже больше, чем нацистская Германия. Экс-министр обороны Антоний Мацеревиц потребовал проведения для России «второго Нюрнбергского процесса». Поразительным по наглости заявлением, прозвучавшим в ответ на напоминание, что Речь Посполитая существует, в первую очередь, благодаря красноармейцам, изгнавшим нацистов из ее территорий, стали слова польского политолога Якуба Корейбы, сказанные им в ходе одной из передач на российском телевидении: «Их об этом никто не просил!» Понятное дело, подобный вывод и у него произрос на почве до сих пор существующих в среде поляков умонастроений, основанных на том, что освободили бы Речь Посполитую «западные друзья» – те самые, которые в сентябре 1939 года ради ее спасения не шевельнули ни французским, ни английским пальцем.

Во время мероприятий, проведенных в Варшаве по случаю 80-летия со дня начала Второй мировой войны, Польша не только безоговорочно была названа наиболее пострадавшей в ее ходе страной. Сами «отметины» прошли так, словно она является и чуть ли не самой победившей. Всем важным гостям – президентам, премьерам, главам парламентов, послам – пришлось маршировать по длинной ковровой до-

рожке к навесу, под которым стояли пан президент Анджей Дуда с женой пани Агатой, жать им руку, а после этого следовать на заранее предназначенное им место. Исключение было сделано лишь тогдашнему вице-президенту США мистеру Майклу Пенсу, который прибыл на площадь с целой колонной автомашин, на ковровую дорожку не ступил и даже не взглянул на нее. Наоборот, президент Дуда с первой дамой Речи Посполитой вышли встречать его, жали ему руку, что, конечно же, не могло не поставить вопрос, кто на самом деле является главным политическим персонажем на том торжестве – пан Дуда или мистер Пенс. Президент ФРГ Вальтер Штаймайер в своем выступлении намекнул на «американское главенство» в победе над гитлеризмом, поблагодарив за избавление Германии от нацизма именно Соединенные Штаты, хотя, если строго следовать историческим фактам, то Вашингтон вообще-то не объявлял войны Третьему рейху, упорно стараясь как можно дольше держаться в стороне от вспыхнувшей международной схватки. Это Гитлер бросил военный вызов Соединенным Штатам после того, как союзная ему Япония внезапно нанесла сокрушительный удар по американской военно-морской базе в Перл-Харборе.

С тех пор тема репараций с двух сторон в Речи Посполитой не утихает. Прозвучало на сей счет и специальное заявление Ярослава Качиньского – одного из главных польских политиков, что у польских претензий «срока давности нет». Несколько позднее он сказал, что, поскольку Герма-

ния отказывается платить, то Польша, таким образом, становится кредитором немецкого государства. Правда, он сомневался, что нынешнее поколение поляков увидит и то, как «Москва примет свою ответственность». Своеобразную красную черту под такого рода побуждениями 14 сентября 2022 года подвел польский парламент: подавляющим большинством депутатских голосов сейм утвердил эту цифру – 1,3 триллиона евро с германской стороны. На следующий день – 15 сентября 2022 года – президент Речи Посполитой Анджей Дуда в интервью журналу «Wprost» заявил, что «если кто-то считает, что не следует создавать конфликт, то пусть спросит у Германии, зачем она в 1939 году тот конфликт начала; Польше положено возмещение ущерба, и конец». Кроме того, добавил он, Польша будет требовать репараций и от России. Окончательная сумма такого рода выплат из его уст в том интервью не прозвучала, однако он подчеркнул, что поляки «просто обязаны такое сделать», что он сам «не видит повода, из-за которого могли бы этого не добиваться». В октябре немецкому правительству была направлена специальная нота по этому вопросу. Берлин ответил, что считает эту проблему закрытой. Польская столица предложила Совету Европы посодействовать в этом деле, поскольку «Варшава не видит у Берлина желания вести диалог по этому вопросу». В январе 2023 года Речь Посполитая обратилась и к руководству ООН с просьбой «посодействовать в получении военных репараций от Германии».

Не исключено, что с самого начала этого действия затея с репарациями от России имела не только финансовую, возможно даже не столько финансовую, сколько политическую задачу – совершить именно такой «перекид» в обе стороны, дабы и в этом ракурсе уравнивать нацистский Рейх и Советский Союз в деле ответственности за развязывание Второй мировой войны, а также еще раз подчеркнуть, что сама Речь Посполитая к вызреванию той войны никакого отношения не имеет. Она только страдальца, так как, дескать, 1 сентября 1939 года с запада и севера – той самой Восточной Пруссии – по ее территории ударили гитлеровцы, с юга это сделали не только уже занявшие Чехию немцы, но и словацкие войска, а 17 сентября с востока границу Речи Посполитой перешла Красная армия Советского Союза.

Вскоре после пышных мероприятий на варшавской площади Польша сделала еще один шаг в избранном ею направлении. Свое видение ответственности за начало Второй мировой войны она стала настойчиво распространять и за пределами собственных границ. Менее чем через три недели – 19 сентября 2019 года – Европейский парламент принял резолюцию, в которой тоже было заявлено, что «Вторая мировая война, самая разрушительная в истории Европы, стала непосредственным следствием печально известного нацистско-советского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года, известного как пакт Молотова – Риббентропа, а также его секретных протоколов, в соответствии с которы-

ми два тоталитарных режима, задавшиеся целью завоевать мир, делили Европу на две зоны влияния». Вина за развязывание самого страшного мирового побоища уже и в общеевропейском документе была возложена не только на нацистскую Германию, но и на Советский Союз, тот самый Советский Союз, который превратил в ошмотья гитлеровский Рейх, и возвративший к жизни страны, из которых ошмотья делали гитлеровцы. Как засвидетельствовала пресса Речи Посполитой, проект резолюции на рассмотрение Европарламента тоже внесли польские депутаты. Были в варшавских СМИ и утверждения, что причастны к этому представители Литвы, но вскоре Анна Фотыга, работавшая в свое время шефом канцелярии польского президента Леха Качиньского, затем министром иностранных дел Польши, впоследствии ставшая депутатом Европарламента, призналась, что изначально идея сотворения такого документа принадлежит именно ей.

В связи с принятием той резолюции естественен и вопрос: почему Европарламент столь быстро поддержал польскую инициативу, можно даже сказать, что в данном случае он явно пошел на польском поводе? В принципе, ответ вполне очевиден. Ведь Гитлер войну против Советского Союза вел не только силами германского вермахта с его люфтваффе и кригсмарине. Никому и никуда не уйти и от того, что 8-я итальянская армия на советско-германском фронте насчитывала 235 тысяч солдат и офицеров, боевые возможно-

сти которых подкреплялись почти 1000 пушечных стволов разного калибра. Румынские войска только в боях под Сталинградом потеряли 158 850 солдат и офицеров убитыми и ранеными. Они «захаживали» и в Крым, и в Ростов-на-Дону, и на Кубань. Три румынские дивизии «занимались» советскими партизанами. Двухсоттысячная 2-я венгерская армия под тем же Сталинградом лишилась двух третей своего личного состава. К середине 1944 года вооруженные силы Венгрии насчитывали 700 тысяч штыков, из которых более половины находилось на Восточном фронте. Финская армия в течение трех лет активно участвовала в блокаде Ленинграда. К началу войны ее личный состав превышал 400 тысяч человек. Словацкие воинские соединения на Восточном фронте насчитывали 45 тысяч хорошо вооруженных солдат. Под Сталинградом был вдребезги разбит 369-й усиленный хорватский пехотный полк. Три хорватские пехотные дивизии в составе германского вермахта яростно дрались за дело фюрера на Адриатическом побережье. Против югославских партизан, а затем частей Красной армии действовала и хорватская горно-пехотная дивизия «Ханджар», в составе германских люфтваффе активно участвовал в боях хорватский авиационный легион, а в соединениях кригсмарине – немецкого военно-морского флота – хорватский морской легион. Болгарских войск на территории СССР не было, однако они усердно воевали против греческих и сербских партизан, освободив от этого занятия многие немецкие дивизии,

которые направлялись на Восточный фронт, и, конечно же, в боях с красноармейцами усердствовали больше балканских войников. Впрочем, болгары совершали свои атаки не только на сербских и греческих партизан. Первые четыре американских тяжелых бомбардировщика В-24D, возвращавшиеся после налета на нефтепромыслы в Румынии, были сбиты болгарскими летчиками.

Нельзя не напомнить и о том, что союзники германского фюрера воевали на его стороне отнюдь не из-под палки, даже когда выяснилось, что война закончится не в пользу Третьего рейха, не все они быстро «опомнились», как это сделали румыны и те же болгары, повернувшие штыки против гитлеровцев, с которыми еще недавно шли рука об руку. Оставались и такие, которые продолжали драться с Красной армией с ничуть не меньшим упорством, чем их «немецкие коллеги». Как известно, на взятие Вены соединениями Красной армии было потрачено столько же времени, что и на штурм Берлина. Будапештская наступательная операция длилась три с половиной месяца и затребовала свыше 80 тысяч безвозвратных потерь – больше, чем за Берлин. Есть небезосновательные утверждения, что «последними защитниками Рейхстага были Ваффен-СС из эстонцев и французов».

К сказанному следует добавить, что в так называемом походе на Восток участвовали не только официальные союзники Третьего рейха. Испанская «Голубая дивизия» занимала

полсотни километров фронта около Новгорода во время блокады Ленинграда. Была еще и испанская «Голубая эскадрилья». Всего в боях против красноармейцев поусердствовало свыше 45 тысяч пиренейских обитателей, заслужив за старание почти пять тысяч германских Железных крестов и Крестов воинской доблести. Формально же Испания во Второй мировой войне не участвовала. В начале 1943 года в районе Великих Лук воевал датский добровольческий корпус «Данмарк». В белорусских деревнях на Могилевщине и Витебщине до сих пор помнят, как жестко против местных партизан действовали I и III батальоны легиона французских добровольцев – сторонников германских нацистов. Подсчитано, что в советский плен по итогам войны попало 23 136 французов, воевавших на стороне Гитлера. В целом же на стороне нацистского фюрера сражалось около 200 000 французских добровольцев. Если уж на то пошло, то в боях за его дело погибло во много раз больше французов, чем в рядах Сопротивления, о чем на берегах Сены теперь предпочитают помалкивать.

Старательно воевала на территории СССР датско-голландская танковая дивизия СС «Викинг», фламандская добровольческая пехотная дивизия СС «Лангемарк», валлонская добровольческая пехотная дивизия СС «Валлония», голландская добровольческая пехотная дивизия СС «Ландсторм Недерланд», 1-й датский свободный корпус СС «Данмарк», еще один датский добровольческий корпус «Шаль-

бург», датско-норвежская добровольческая моторизованная дивизия СС «Нордланд», норвежский легион СС и норвежский лыжный батальон, а также состоявший из бельгийских добровольцев фламандский легион СС. Не сидела сложа руки и албанская добровольческая горно-пехотная дивизия СС «Сканденберг». Среди попавших в советский плен оказались и чехи, и шведы, и поляки, и словенцы, и люксембуржцы, и даже около сотни швейцарцев. Специально занимавшиеся этой темой люди пришли к выводу, что в той войне на стороне Гитлера воевало более 1,8 миллиона солдат и офицеров, имевших паспорта других стран, а не Третьего рейха. Они и стали людским материалом для формирования 59 дивизий, 23 бригад, многих отдельных полков, легионов, батальонов.

Однако этим содействие германскому фюреру не ограничивалось. Чешские предприятия прилежно производили для вермахта танки, пушки, минометы, французские – авиадвигатели, автомашины. Притом в огромных количествах, ведь еще до войны та же Чехословакия занимала 40 процентов в мировой торговле оружием и военным снаряжением, только заводы «Шкоды» в то время производили больше армейского «добра», чем вся военная промышленность Великобритании. Большие автотранспортные потребности германского вермахта, люфтваффе, кригсмарине, СС закрывались в основном французскими усилиями. Нейтральная Швеция без малейших срывов все военные годы поставляла Рейху нуж-

ные металлы, нейтральная Швейцария столь же старательно оказывала Рейху банковские услуги. Аналитики утверждают, что непричастной к той войне оставалась только Португалия, тем не менее, как следует из справки начальника соответствующего отдела НКВД СССР А.Н. Бронникова, опубликованной в сборнике «Военнопленные в СССР», был среди взятых в советский плен и один португалец.

Приведенные данные неизбежно подводят к выводу, что на стороне нацистской Германии против СССР воевала фактически вся Европа. Посему, если на то пошло, на всей Европе лежит вина за 27 миллионов советских жизней, ставших жертвой той агрессии, за сожженные белорусские Хатыни, и за смертоносную блокаду Ленинграда, за холокост евреев тоже. В таком случае не стоит крепко удивляться, что потомки европейцев, ответственных за случившееся тогда, теперь не упустили возможность воспользоваться «удобным случаем», всплывшим на волне антироссийских настроений в Польше и не только в Польше, стимулируемых по разным поводам, дабы эту ответственность умалить или, как минимум, затемнить. Умалить или затемнить хотя бы в глазах тех, кто не очень хорошо знает реальную историю. Однако то, что проект упомянутой резолюции был внесен в Европарламент не одним из бывших союзников давно канувшего в аду нацистского Рейха, а сделала это польская сторона, удивляет больше всего. Ведь во время Второй мировой войны Речь Посполитая все-таки значилась в антигитлеровской коали-

ции. И если бы не «приход Советов», ее не было бы. Впрочем, Австрии, Чехии, Словакии тоже. Можно полагать, не только их...

Нельзя не напомнить, что тот «приход» советских фронтов был в человеческом плане весьма дорогостоящим для СССР, притом по всем географическим направлениям. Как следует из рассекреченных российским Министерством обороны «Справки о числе потерь личного состава войск Советской Армии в период боевых действий на территории иностранных государств в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», подписанной начальником архива Министерства обороны СССР генерал-майором Дударенко и начальником 2-го отдела полковником Добровольским, а также «Справки о потерях Советских Вооруженных Сил при освобождении государств Европы и Азии», завизированной начальником военно-научного управления Генерального штаба СССР генерал-полковником К. Скоробогаткиным и начальником 4-го отдела полковником А. Грылевым, в боях в европейских и азиатских государствах, куда Красной армии пришлось «наведаться» во Второй мировой войне – от Австрии до Сахалина, – ее потери составили 2 миллиона 909 тысяч 080 человек, из которых 671 тысяча 214 бойцов – убитые непосредственно на поле боя. Специальные примечания, сделанные их составителями в названных документах, уточняют, что приведенные цифры не являются исчерпывающими и окончательными, так как «в данные о потерях не вклю-

чены: пропавшие без вести, больные и обмороженные», а их за четыре с лишним года тоже было много.

Никуда не деться и от того, что самая большая цена была заплачена Советским Союзом за изгнание гитлеровцев из Польши. В архивных документах зафиксировано, что общие потери на территориях Речи Посполитой составили 1 973 543 человека – две трети от общей платы за освобождение Европы от нацизма и изгнание японцев из Сахалина, Китая. Как значится в упомянутых справках, в сражениях на территории Польши 364 117 бойцов были убиты на поле боя и 1 миллион 573 тысячи 943 ранены. Но сюда, отмечено во второй из них, не включены потери, понесенные в «южной части Восточной Пруссии», более половины которой теперь тоже входит в состав Речи Посполитой. Незадолго до мероприятий на варшавской площади имени Пилсудского начальник Центрального архива Министерства обороны России Игорь Пермяков заявил, что в целом при освобождении Польши в 1944–1945 годах погибло более 477 тысяч советских военных. Цифра потерь, зафиксированных в докладных командиров подразделений после конкретных сражений, разумеется, возрастала и после Дня Победы, потому что в госпитали, где находились на излечении солдаты и офицеры, получившие ранения на поле боя, старуха с косой – смерть – навевалась еще долгое время. Теперь точно известно, что в современной Речи Посполитой похоронено 600 212 солдат и офицеров Красной армии.

Признают эту цифру и польские власти. Однако павшие в боях с гитлеровцами бойцы уже и на юридическом польском уровне считаются не освободителями Речи Посполитой, а ее оккупантами. Польский сейм 9 января 2020 года принял постановление, в котором признаются советские «жертвы в борьбе с Третьим рейхом», однако утверждается, что это «не принесло свободы и суверенности государствам Центральной и Восточной Европы, а их жителям – уважения прав человека». Сейм опять же заявил о своей прямой обязанности вновь напомнить, что «до начала II мировой войны довели две тогдашние тоталитарные сверхдержавы: гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз», а также что «после подписания 23 августа 1939 года в Москве позорного пакта Риббентропа – Молотова первыми жертвами двух тоталитаризмов» стали именно Польша и страны Центральной и Восточной Европы. В мае 2020 года дошло дело до того, польский МИД поправил германского министра иностранных дел Хайко Мааса, который в статье для журнала «Spiegel», написанной им в мае 2020 года вместе с директором Института современной истории Андреасом Виршином, назвал режим нацистского Рейха единственным виновником вспыхнувшей Второй мировой войны. Вопреки решению Европарламента авторы той статьи все-таки подчеркнули, что именно «вопиющие попытки переписать историю» заставили их повторить: «Германия в одиночку развязала Вторую мировую войну своим нападением на Польшу». Но в

Варшаве такое мнение сразу же было названо упрощением, которое не соответствует реалиям того времени.

Голоса, звучащие на сей счет в России, включая заявления президента В.В. Путина, в Польше именуются не иначе, как «сталинская пропаганда». В Варшаве упорно твердят, что не подпиши СССР договор о ненападении с Германией в августе 1939 года, войны не было бы. Для заявляющих подобное неважным является, что еще 28 апреля 1939 года Гитлер в одностороннем порядке разорвал договор о ненападении, подписанный Германией и Речью Посполитой 26 января 1934 года, что на момент заключения советско-германского пакта уже был готов германский план «Вайс», предусматривавший удар по Речи Посполитой как раз в конце того самого августа 1939 года. В стороне оставляется и то, что еще 24 июня германским военным командованием были утверждены планы операций и назначены специальные воинские подразделения для захвата мостов через Вислу. Взять же те мосты предстояло в исправном состоянии, дабы они пригодны были для дальнейших действий на востоке, притом не только на польском пространстве. Само собой, уже полностью были готовы к большой войне все вооруженные силы Рейха, ведь невозможно было бы сделать такое в течение недели. Ничто из такого рода факторов не принимается во внимание.

Польские оппоненты в различных телевизионных ток-шоу попросту отмахиваются и от напоминания, что еще в

октябре 1938 года была раздербанена Чехословакия, в чем самым активным участником, а заодно и крупным выгодополучателем, заимевшим Тешинскую область в качестве территориального приращения, стала именно их страна. Некоторые из них аргументируют состоявшееся взаимодействие с Гитлером желанием спасти проживающих там своих единоплеменников от нацистской оккупации. Тем не менее, вступление Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину упорно называется агрессией, но никак не желанием СССР спасти от гитлеровских оккупантов белорусов, украинцев, литовцев, сотни тысяч евреев, а также поляков, обитавших на этих самых землях. Мимо ушей проходит и напоминание о том, что подписанный 23 августа 1939 года договор между СССР и Германией о ненападении был последним в череде таких документов – до этого их случилось полдюжины, а самым первым подписантом подобного рода межгосударственных соглашений стала как раз Польша.

Есть в этом контексте и еще один очень любопытный момент. Ведь если поверить польским политикам, упорно твердящим, что все беды довоенной Речи Посполитой произошли из пакта Риббентропа – Молотова, то совсем логично представить, с каким ужасом в довоенной Польше было воспринято поступившее из Москвы известие о его подписании 23 августа 1939 года, это значит, как теперь чаще всего утверждается на берегах Вислы, о «сговоре двух диктаторов – Гитлера и Сталина». На самом же деле на заключение со-

ветско-германского договора государственные мужи и прочие люди в тогдашней Варшаве отреагировали с абсолютным равнодушием. Было даже заявлено, что он не окажет никакого воздействия на политическую ситуацию в Европе. Уточнялось также, что Польша такой документ с Германией имеет уже более пяти лет, поскольку власти Речи Посполитой, как ни странно, продолжали считать действующей декларацию о ненападении, о разрыве которой Гитлер в одностороннем порядке заявил за пять месяцев до этого. Как пишут даже аналитики в нынешней Польше, советско-германское соглашение, состоявшееся в августе 1939 года, в Варшаве было тогда попросту проигнорировано и названо «разновидностью блефа».

В таком случае логично поинтересоваться и тем, как в Речи Посполитой была воспринята польско-германская декларация о ненападении, подписанная в Берлине еще 26 января 1934 года – первая по счету в названном ряду. Тоже спокойно? Отнюдь! Она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Политической бомбы, разумеется. В высоких государственных и общественных кругах Польши прозвучали даже требования привлечь к суду тогдашнего главу польского Министерства иностранных дел полковника Юзефа Бека. Резонен и вопрос: одинаковы ли были политические и особенно военные условия, в которых они появились?! В том-то и дело, что нет, а чтобы убедиться в правильности такого утверждения, достаточно уточнить и сравнить хотя бы чис-

ленность германских вооруженных сил, имевшихся в распоряжении Гитлера в январе 1934 года и при нападении на Польшу в сентябре 1939-го. Так вот на момент прихода фюрера немецких нацистов к власти и даже спустя год – на день подписания польско-германской декларации о ненападении – военные возможности Германии весьма жестко ограничивались Версальским мирным договором от 28 июня 1919 года, который подвел итоговую черту под Первой мировой войной. В статье 160 этого документа четко обозначалось, что «германская армия не должна будет насчитывать более семи дивизий пехоты и трех дивизий кавалерии... Общий численный состав армии... не должен превышать ста тысяч человек, включая офицеров и нестроевых и будет исключительно предназначен для поддержания на территории порядка и для пограничной полиции... Германский Большой Генеральный Штаб и всякие иные подобные формирования будут распущены и не могут быть восстановлены ни в какой форме». Показательна в этом же смысле и статья 168, в которой сказано, что изготовление «оружия, снаряжения и всякого рода военного материала может производиться лишь на тех заводах или фабриках, местонахождение которых будет доведено до сведения и представлено на одобрение Правительства, Главных Союзных и Объединившихся держав, и число которых эти последние оставляют за собой право ограничить».

Статья 170 запрещала Германии как импорт, так и экс-

порт «оружия, снаряжения и военного материала». Статья 171 лишала ее возможности иметь «производство и ввоз в Германию броневи́ков, танков или всякого рода других подобных машин, могущих служить для военных целей». Резко был ограничен и военный флот, а статьей 191 не позволялась «постройка и приобретение всяких подводных судов». В статье 201 говорилось также, что «в течение шести месяцев, которые последуют за вступлением в силу настоящего Договора, изготовление и ввоз воздушных судов, а также двигателей для воздушных судов и частей двигателей для воздушных судов будут воспрещены на все территории Германии». И вот к 1 сентября 1939 года – всего через пять лет после прихода нацистов к власти – вермахт насчитывал уже 4 миллиона 222 тысячи бойцов. Только в военно-воздушных силах числилось 400 тысяч человек – в четыре раза больше, чем все германские вооруженные силы за пять лет до этого. Для атаки на Польшу к 1 сентября 1939 года было сосредоточено полтора миллиона солдат и офицеров армии Рейха.

Как такое Гитлеру удалось? Попробуем вникнуть в некоторые обстоятельства, чтобы попытаться выяснить, как все было на самом деле с тем соглашением между нацистским Рейхом и Речью Посполитой. Не замалчивается ли нечто, напоминающее о поговорке, которая дает понять, кто зачастую громче всех требует, чтобы поймали вора?..

Гитлер поставил на Пилсудского

Даже в Польше в публикациях, посвященных польско-германской Декларации о неприменении силы в отношениях между этими странами, подписанной 26 января 1934 года в Берлине министром иностранных дел Третьего рейха Константином фон Нейратом и чрезвычайным и полномочным послом Речи Посполитой Юзефом Липским, чаще всего содержится признание, что инициатором ее появления стал маршал Юзеф Пилсудский. В расположенном на берегах Вислы государстве он тогда был главным человеком по реальной власти, не являясь ни президентом, ни премьер-министром правительства, а только (!) военным министром и генерал-инспектором польских вооруженных сил. По его личному распоряжению Адольфу Гитлеру было направлено специальное послание с предложением заключить двусторонний договор, хотя лишь полгода до этого маршал на полном серьезе демонстрировал готовность к принятию по отношению к нацистской Германии весьма жестких шагов совершенно противоположного характера, вплоть до объявления ей войны – все было именно так, о чем недвусмысленно и неопровержимо свидетельствуют исторические факты.

В то же время сказанное вовсе не означает, что фюрер нацистов, возглавивший германское правительство всего за год до появления той самой декларации о польско-немецком

ненападении, якобы вовсе не стремился к изменению отношений с этим восточным соседом, притом переустройству их по своему собственному усмотрению. Есть основания полагать, что в реальности все было наоборот. Коренное преформатирование контактов с этой страной Гитлер считал для себя проблемой и задачей номер один, поскольку на Речь Посполитую маршала Пилсудского он тогда глядел как на самое уязвимое звено в образовавшемся после Первой мировой войны пограничном периметре Германии, с которого можно было начать пересмотр того периметра, не устраивавшего не только пришедших к власти нацистов, но и абсолютное большинство немцев, прежде всего в том, что касалось потерянных в результате Первой мировой войны территорий. К сказанному нужно обязательно добавить, что замысленный фюрером «пересмотр» германского пограничного периметра – в его даже предварительной прорисовке – касался не только немецко-польских отношений. Как вскоре выяснится, им предполагались куда более отдаленные и весьма серьезные последствия, затрагивавшие интересы других государств в рамках все тех же амбициозных нацистских планов. Да и не мог он ограничиться инертным выжиданием после того, как в своей книге «Майн кампф» открыто заявил о грандиозных намерениях по переделыванию Европы и остального мира. История его действий, последовавших вслед за занятием кресла канцлера, красноречиво свидетельствует, что обозначенные им задачи, на первых порах по-

развившие воображение абсолютного большинства государственных деятелей планеты, не сразу и не всеми из них воспринятые с должной серьезностью, не стали простым сотрясением воздуха, зачастую характерным для начинающих, но амбициозных политиков, как поначалу очень многие даже в Германии смотрели на Гитлера. На самом же деле к заявленным целям лидер нацистов сразу стал двигаться с последовательностью и настырностью, достойными куда лучшего применения. И первой на этом пути оказалась Польша.

Весьма любопытный эпизод на сей счет, указывающий на то, что Гитлер отнюдь не склонен был пассивно наблюдать за ходом происходящих вокруг немецкого государства событий, содержится в воспоминаниях известного германского дипломата Герберта фон Дирксена, многие годы представлявшего интересы своей страны – сначала до нацистской Германии, затем уже нацистского Третьего рейха – в Польше, Советском Союзе, Японии и Великобритании. Касался тот эпизод как раз контактов с Речью Посполитой, но случился тогда, когда автор мемуаров работал чрезвычайным и полномочным послом в Советском Союзе и приехал в Берлин, чтобы от самого фюрера получить ответы на вопросы, связанные с отношениями Германии с СССР. В названии изданных воспоминаний «Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики» их автор, полное имя которого Эдуард Вилли Курт Герберт фон Дирксен, почему-то не указал Варшаву, хотя по ходу его двадцатилетней дипломатиче-

ской службы он изрядно напрягался именно в польской столице. Не назвал, скорее всего, потому, что, будучи главным связующим звеном в выстраивании отношений между Германией и Польшей на самом начальном этапе двусторонних контактов после Первой мировой войны, он все-таки значился не чрезвычайным и полномочным немецким послом в только что возродившейся Речи Посполитой, а временным поверенным. До этого фон Дирксен несколько месяцев поработал в германской дипломатической миссии в Киеве, где ему пришлось иметь дело с множеством, как сам выразился, местных лидеров, по его словам, «полупатриотов, полубандитов», даже принять самое непосредственное участие в судьбе первого украинского послереволюционного гетмана Павла Скоропадского, которого «под видом раненого хирурга немецкой армии» вывозили «на поезде Красного Креста в Германию». Потом ему выпало попасть в состав Международной балтийской комиссии, вообще не имевшей постоянной штаб-квартиры и обитавшей в поезде, передвигавшемся «взад-вперед по Восточной Пруссии, Латвии и Литве».

В Варшаву фон Дирксен отправлялся уже довольно опытным дипломатом, однако все равно «был полон беспокойства», поскольку ехал в страну, отношения с которой в историческом смысле «были осложнены многолетней взаимной неприязнью». Усложняло его работу и то, что главный интерес польских властей тогда был сконцентрирован не на контактах с Германией, а на восточных соседях Речи Посполи-

той. Немецкому дипломату на все оставшиеся годы отложилось в памяти, что вскоре после новоселья возглавляемой им миссии руководитель политического департамента польского МИДа Каэтан Моравский – «богатый землевладелец из Познани, умный, приятный, но слишком шовинистически настроенный человек, сияя от радости, сообщил мне, когда я впервые увиделся с ним, что маршал Пилсудский взял Киев». Шел май 1920 года, «старая мечта польского империализма стала явью», подчеркивает немецкий дипломат, добавляя к сказанному, что это было «абсолютно немотивированное нападение на Советский Союз», но оно способствовало «увеличению польской территории на восток». Употребленные фон Дирксом слова «польский империализм» в годы, о которых идет речь, часто звучали во многих странах, особенно европейских, притом на разных политических уровнях, включая самые высокие. Британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж называл новую Польшу даже главным империалистом в Европе.

Вспоминая о работе в этой стране, германский дипломат – пусть с некоторой иронией – писал и о том, что «с точки зрения внешней политики вообще и внутреннего развития в частности Варшава была самым интересным местом для наблюдений». По его словам, «там всегда было приготовлено в запасе какое-нибудь острое ощущение». Например, «или генерал Желиговский отправляется в Литву и захватывает Вильно, или же князь Сапега или другой член оппозиции

начинает какую-нибудь маленькую революцию, или происходит смена кабинета, или мирные переговоры с Советским Союзом оказываются на грани срыва, пока, наконец, 18 марта 1921 года подписывается мирный договор». Так что в те быстро меняющиеся, как теперь говорят, волатильные времена ему в Варшаве требовалось держать ухо востро. Подводя итоговую черту своей работе в Польше, фон Дирксен не счел нужным скрывать, что Речь Посполитая его «бесконечно измотала», там он изрядно «устал от решения этой трудной задачи – поддержания наших отношений с нею, от всех связанных с этим расстройств и отрицательных эмоций». Однако, скорее всего, польский период в профессиональной биографии фон Дирксена стал поводом и для эпизода, случившегося в Берлине, но во время работы дипломата уже в Москве, где он к тому времени пятый год возглавлял германское посольство в Советском Союзе. Он просто напрашивается на упоминание, поскольку прямо относится к неожиданному повороту в польско-германских отношениях, свершившемуся ровно через год после прихода нацистов к власти в немецком государстве. Несмотря на истечение многих лет, Герберт фон Дирксен не позволил себе оставить тот случай в стороне при написании своих воспоминаний, тем более, что произошел он в ходе беседы дипломата не с кем-нибудь, а как раз с главой немецкого правительства, которым совсем недавно стал Гитлер. Фон Дирксен не называет дня, когда новый канцлер принял его в своем берлинском кабине-

те, однако поясняет, что встречи с ним добивался он сам, руководствуясь острым желанием «прояснить фундаментальный вопрос отношения Гитлера к России», хотя это было не единственное побуждение, определявшее его настроения. Их беседа состоялась вскоре после знаменитой, что специально подчеркнул дипломат, речи фюрера «о внешней политике Третьего рейха», прозвучавшей 23 марта 1933 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.